

КРУГ ЧТЕНИЯ

В сегодняшнем выпуске мы продолжаем разговор о публикациях «голстых» журналов под рубрикой «На заметку книголюбу». Она появилась на нашей странице в начале года и вызвала большой интерес читателей. Выступление критика Татьяны Ивановой посвящено октябрьским и ноябрьским книжкам журнала.

Беседа с народным артистом РСФСР, фронтовиком Борисом Ивановым — продолжение читательской конференции

«Победители» (анкета участников публикуется). Почта газет позволяет судить, что она замечена.

В заметках Мурманского писателя Виталия Маслова, корреспондента Беломорья, знатока и исследователя истории Русского Севера, поставлена важная проблема, которая выходит за рамки региона, а имеет значение для каждого читающего и для издателей.

Конференция «Победители»

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР

СИЛА ПОДЛИННОСТИ

Вот уже несколько месяцев (первая публикация была 22 июня) на нашей тематической странице идет читательская конференция «Победители», посвященная 40-летию Победы. Участники ее в своих письмах не только оценивают произведения литературы, посвященные Великой Отечественной войне, но и просят нас, чтобы в этой конференции приняли участие деятели литературы и искусства — фронтовики, рассказали и о войне, и о своей фронтовой теме в творчестве. Сегодня мы публикуем беседу с артистом театра имени Моссовета, народным артистом РСФСР Борисом Владимировичем Ивановым. Мы спросили, как началась его фронтовая биография...

— Стремительно. 22 июня 1941 года я играл в спектакле выпускников Одесского театрального училища. А на следующий день был в военкомате, через несколько суток — фронт...

— Мое поколение не только не знало войны, но и явилось на свет, когда руины уничтоженных фашистами городов остались лишь памятниками, как старая мельница в Волгограде... Вы понимаете, как важно и ценно для нас знать правду о войне, о чувствах, ощущениях от очевидца... Какими были эти первые, наверное, самые страшные дни войны.

— Как раз у меня эти первые ощущения были совсем простыми. Предчувствуемая, ожидаемая война стала фактом, но все же не роковым. Кажется, все это месяца на два-три. Победим, отодвинем угрозу. Молодость, надежды, грезы, разве они связаны со страшной реальностью, которая нас ждала впереди на годы... И думалось-то тогда о другом: о расставании с мамой, о разлуке с нашими девочками.

— Когда почувствовали всю реальность войны?

— Даже на фронте — не сразу. Помню, идем мы по просеке. Тишина, мирное небо. А командир приказывает: «Пригнитесь, может убить!» Этого я понять в тот момент не мог — как это: тишина и убить. Меня убить... А как-то убивать самому? Ненависть к врагу явилась тоже не сразу, она вызревала постепенно. Переломным моментом в этом смысле для меня оказался такой эпизод. Я был очевидцем, когда под обстрел попал наш санитарный с красным крестом автобус. Раненые разбежались. Кто мог. Но кто не мог... А самолеты заходили и заходили, видя беспомощных... Я понял: фашисты — это не люди.

И такая картина стоит перед глазами. Снежное поле. Снег только вышал. Красиво, как на рождественской открытке. Но только что здесь был бой. И под этим свежим снегом лежат люди. Лежат в самых невероятных позах. Убитые. Вот тогда впервые почувствовал: вот она — война. Ужас. Смерть. Ненависть к тем, кто это посеял...

— А было ли чувство страха?

— Я никогда не поверю человеку, который говорит или пишет, что не испытывал страха на фронте. Разве можно привыкнуть к ежеминутной смерти? Или другая сторона войны. Необходимая, если так можно выразиться, целенаправленная жестокость. Я видел расстрел трусов... Война несет в себе все — потому она и называется бедой народной, и работой все-

народной, а не только твоей. Если ты ослаб, тебе помогут, поддержат, но если ты боишься, трусишь, тогда ты подводишь всех. Стало быть, ты должен одолеть в себе это или понести суровую народную кару. Выбор тут всегда один.

Когда после курсов переподготовки мне присвоили звание старшего лейтенанта, пришло и чувство ответственности за людей. Старался всех занять в редкие минуты отдыха. Этот — разводит огонь, этот — кипятит воду... Нельзя было допустить чувства растерянности.

— Чувство ответственности не только за себя и за того, кто рядом... Фронтовое братство — для нас, молодых, пожалуй, самое близкое в описаниях того времени, в книгах о войне. Что вы вспоминаете при этих словах?

— Уходя в бой, мой друг отдал мне свои часы: «Чувствую, что убью!» Так я и раненый, без сознания зажимал их в кулаке. Друг действительно погиб... А я был ранен тяжело. Но вот парадокс — был на грани смерти, а думал: как хорошо, не надо ничего делать, наконец-то покой. А потом пришел в себя, очнулся — стало больно за других. В госпитале отступило чувство опасности. Но и здесь вокруг были боль и смерть. В этих условиях отзвуки войны еще страшнее, а смерть еще неестественнее.

— И все-таки, несмотря на все страдания, война в литературе часто предстает как время, насыщенное многообразием жизни. Были ли вы счастливы в это время? И уместно ли здесь вообще это слово?

— Счастливы? Ну не знаю... Вряд ли. Вот потом, уже через годы, пришло чувство удовлетворения: не отсиделись. Был там, где всего опасней и необходимей. Наверное, это в какой-то мере и есть счастье.

— Борис Владимирович, как складывалась ваша дальнейшая судьба?

— После ранения был вчистую демобилизован — не двигалась одна рука. Помню, врач спросил меня: «Кто по профессии?» — «Актёр». — «Значит, будешь бухгалтером». Но я решил: несмотря ни на что, останусь верен своему призванию. В 1944 году приехал в Москву. Была дерзкая мечта — попасть в театр имени Моссовета. И, невероятно, Юрий Александрович Завадский принял меня в труппу. С тех пор места работы не менял. Попал я тогда, что называется, с корабля на бал — с театра военных действий в театр настоящий. Но и здесь все дышало войной. В репертуаре были такие спектакли, как «Нашествие» Леонида Леонова, «Русские люди» Константина Симонова. Мне пришлось как фронтовику, офицеру стать экспертом в спектаклях на военную тему. И я очень старался, чтобы даже самые мельчайшие детали были предельно достоверны.

— А какие свои роли, связанные с войной, с антивоенной тематикой, вы помните?

— Через много лет после войны я снялся в фильме Егизарова «От зари до зари». Играл бывшего фронтовика. Война в этом фильме за кадром, за кадром и военная судьба моего героя. Но она наложила на него неизгладимый отпечаток. Все лучшее качества, воспитанные фронтовым братством, сохранились у него и в мирное время, что, увы, не всегда бывает. И я постарался именно это заострить в моем герое.

Мне привелось воплотить на сцене и образ Леона Верта, близкого друга Экзюпери, критика, журналиста, коммуниста. Ему, оставшемуся на территории оккупированной Франции, Экзюпери посвятил свое «Письмо к заложнику» — страстное антивоенное произведение. И сам Леон Верт был яростным противником войны и кристально честным человеком. Но это был и очень интересный характер — внешне колючий, а в душе добрый, ранимый. Играть таких неоднозначных людей очень интересно.

Чрезмерно нарочитую прямолинейность человеческого характера — вот что надо преодолевать в первую очередь тем, кто пишет о войне.

— Вашему герою Леону Верту принадлежат слова: «Я не знаю, в какие формы выльются завтрашние войны, но мне

кажется, что наиболее насущная и актуальная проблема — показать ее вседозвучность, вскрыть ее симптомы с клинической точностью». Написанные в 1932 году, слова эти необычайно актуальны и в наши дни. В чем вы видите ценность произведений искусства о войне и какая литература на эту тему наиболее близка вам?

— Художественные произведения о войне, на мой взгляд, бесценны. Особенно созданные ее очевидцами. Горько говорить, но пройдет совсем немного времени, и они станут единственными источниками знаний для молодых поколений о войне. Все военное смотрю и читаю очень придирчиво. Какое-то почти трагическое удовлетворение доставляет военная хроника своей подлинностью. Поэтому потрясла меня книга Алексеевича «У войны — не женское лицо» и документальный фильм по этой книге. Рассказы женщин-фронтовичек, их искренность, правдивость, отсутствие всякой приукрашенности, особый женский взгляд на войну, да и просто их лица — лица женщин, столько переживших и нашедших в себе силы преодолеть себя и сейчас, через много лет после войны, чтобы вернуть свою память к тому времени, — все это потрясло меня до глубины души.

Абсолютная правдивость — главное мое требование к военной литературе. Не переносу дешевого оптимизма. На войне, повторяю, было страшно, очень страшно. И не надо бояться ежесекундного ужаса войны. Только надо психологически точно показать, как он преодолевался.

Литература, написанная во время войны и сейчас, спустя годы, — различна. И это естественно: разное время — разные задачи. Тогда главным было звать в бой. Теперь акцент сместился на проникновение в психологию людей, внимание к их нравственному облику. И это важно сейчас: жизнь, как и смерть, это всегда ведь проблема выбора. Ну не все пишут так, конечно. Поэтому мне близки Юрий Бондарев, Василий Быков, Вячеслав Кондратьев.

В кино люблю фильм Ларисы Шепитько «Восхождение». Правдивый, без ложного пафоса, он подталкивает зрителя к серьезным размышлениям о том, что делает обыкновенного человека истинным героем. Фильм на военном материале выходит на философски глубокую мысль — о смысле человеческого существования, о необходимости преодолевать в самом себе все слабое на пути к высотам человеческого духа. Вот задача литературы и искусства. Мне кажется, что именно это должно оказывать и особое влияние на молодежь.

— Борис Владимирович, а что вы считаете главным в работе с молодежью?

— Здесь недопустимы схематизм, упрощение, подмена психологичности лозунгами. На одних лозунгах и войну не выиграть, и мирную жизнь к лучшему не изменить. Молодые должны не просто получить информацию — получить нравственный ориентир. Книга должна заставить размышлять, вызвать желание у молодого читателя поставить себя на место героя и задать себе вопрос: «А смог бы я в таких труднейших условиях выдержать свой долг?» И в искусстве, и в жизни, когда обращаешься к молодежи, главное — вся мера доверия и вся мера ответственности. Это неразделимо!

Беседу вела Т. ЧЕРНОВА.

1. Кто из советских прозаиков, по-вашему мнению, наиболее содержательно и правдиво отразил в своем творчестве события военных лет?

2. Какое нравственное, духовное, идейное значение имеет военная тема в воспитании молодежи? Ваши предложения об улучшении военно-патриотического воспитания.

3. О чем вы хотели бы спросить писателей, работающих над военно-патриотической темой?

4. С кем из литераторов-фронтовиков вы хотели бы встретиться на страницах «Круга чтения»?

Десяти победителям читательской конференции будут вручены книги писателей-фронтовиков с автографами авторов.